
Лучшая мировая
классика

Томас
ГАРДИ

**Вдали
от безумной толпы**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г20

Серия «Лучшая мировая классика»

Thomas Hardy

FAR FROM THE MADDING CROWD

Перевод с английского *М. Николенко*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В. Воронина*

Гарди, Томас.

Г20 **Вдали от безумной толпы** : [роман] / Томас Гарди;
[перевод с английского М. Николенко]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 480 с. — (Лучшая мировая
классика).

ISBN 978-5-17-122215-4

В романе «Вдали от безумной толпы» Гарди раскрывает великую и вечную драму отношений мужчины и женщины.

В свое время яркая, непростая история любовного треугольника независимой и гордой Батшебы, унаследовавшей ферму в глуши Северной Англии, крестьянина Габриэля Оука и «пришельца из городской цивилизации» сержанта Троя стала настоящим литературным скандалом. Что интересно, роман Гарди по-прежнему считается скандальным и нарушающим «основы основ» уже нынешнего общества.

Так как же удалось Гарди затронуть струны души читателей трех столетий?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-122215-4

 Школа перевода В. Баканова, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Подготавливая книгу ко второму изданию, я не мог не вспомнить о том, что именно в главах этого романа, которые одна за другою публиковались в номерах ежемесячного журнала, я впервые отважился заимствовать слово «Уэссекс» из древнеанглийской истории, чтобы назвать им вымышленную область, существующую на месте исчезнувшего королевства. Замышляя несколько романов с общим местным колоритом, я должен был дать описываемым событиям некое географическое определение для обеспечения единства действия. Понимая, что границы одного графства не позволят мне развернуть достаточно широкого полотна, однако не желая использовать вымышленное наименование, я взял наименование историческое. И пресса, и читатели любезно одобрили мою затею, охотно нарисовав себе анахроническую картину Уэссекса, живущего под властью королевы Виктории, — Уэссекса железных дорог, однопенсовых почтовых отправлений*, шведских спичек, косильных и жатвенных машин, работных до-

* В 1840 году услуги почты Великобритании были существенно удешевлены: плата за пересылку письма весом меньше чем пол-унции (примерно 14 граммов) в любую точку страны составила всего лишь один пенс, вследствие чего ведение почтовой переписки стало доступно широким слоям населения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

мов, крестьян, обученных грамоте, и детей, посещающих бесплатные школы. Полагаю, я не ошибусь, если скажу, что до 1874 года, когда этот современный Уэссекс ожил на страницах настоящей книги, о нем никто ничего не слыхивал, и выражение «уэссекский крестьянин» или «уэссекский обычай» относилось к миру, существовавшему до норманнского завоевания*.

Работая над книгами, я не думал о том, чтобы, сообщив слову «Уэссекс» новое значение, вернуть его в широкий обиход, однако оно стало повсеместно употребляться как географическое название. Почин принадлежит ныне не издаваемому журналу «Экзаминаер»: в его номере от 15 июля 1876 года содержалась статья под заголовком «Уэссекский труженик», посвященная отнюдь не древним англам и саксам, но современному крестьянству юго-западных графств и тому, как его жизнь представлена в моих романах.

С тех самых пор наименование, которое я берег для горизонтов и ландшафтов своей реалистически описанной, но все же вымышленной страны, стало все шире и шире употребляться в повседневности, а она, моя страна, постепенно слилась с действительно существующей областью, куда можно поехать, где можно поселиться, откуда можно посылать очерки в газету. Однако я прошу глубокоуважаемых читателей забыть об этом и более не думать, будто викторианский Уэссекс существует вне страниц этой и других моих книг, для которых он и был мною создан.

Деревушку Уэзербери, где разворачиваются события романа, исследователь едва ли узнает без подсказки

* Герцог Нормандии Вильгельм I Завоеватель вторгся в Англию в 1066 году. Подчинение страны его власти во многом определило дальнейшее формирование английского языка и английской культуры.

в каком-либо из ныне существующих селений, хотя еще сравнительно недавно, в пору моей работы над настоящим повествованием, можно было в действительности увидеть многие пейзажи и лица, весьма напоминающие те, какие я описал. Старая церковь по сей день сохранила, по счастью, свой неизменный вид. Уцелело несколько домов. Увы, солодовня, игравшая столь заметную роль в жизни прихода, не пережила последних двадцати лет, как и большинство коттеджей с мансардами и соломенными кровлями. Нынешнее поколение школьников, насколько я могу судить, совершенно незнакомо с игрою в узников, хотя не так давно казалось, что в нее вечно будут играть на заброшенных скотных дворах. Вслед за старыми домами исчезли и старые обычаи: сегодня почти не гадают с ключом и Библией, не придают серьезного значения открыткам, посылаемым к Валентинову дню, не устраивают праздников урожая и ужинов по случаю стрижки овец. Говорят, что ослабла любовь крестьян к горячительным напиткам, в прошлом составлявшая печальную славу нашей деревни. Корень этих перемен в том, что на смену прежним крестьянским семьям, которые продолжали местные традиции, десятилетиями арендуя одни и те же коттеджи, пришли работники, переезжающие с места на место. Разрыв преемственности губительно сказался на сохранении народных обычаев, легенд и преданий, соседи зажили разобщенно, меньше стало эксцентрических личностей, ибо непреходящее условие существования последних — родная почва, связь с определенной точкой на карте, поддерживаемая из поколения в поколение.

Т.Г.

Февраль 1895

Глава I

Фермер Оук. Случай

Когда фермер Оук улыбался, углы его губ плыли в стороны до тех пор, пока не оказывались в незначительном отдалении от ушей, а глаза делались узкими, и вокруг них возникали морщинки, напоминающие лучи восходящего солнца на рисунке ребенка.

При крещении Оука нарекли Габриэлем. По будним дням он являл собою пример трезвости ума, легкости движений, аккуратной скромности в одежде и, ежели судить в целом, благонравия. По воскресеньям же, надев стесняющее парадное платье и взяв лучший зонт, Оук становился не слишком расторопным молодым человеком туманных воззрений, принадлежащим к тому обширному лаодикийскому* промежутку, что отделял набожных прихожан от пьяниц. Иными словами, церковь он посещал, однако, когда читали Символ веры, начинал потихоньку зевать, а слушая проповедь, думал о предстоящем обеде. Весы людской молвы оценивали Габриэля Оука то так, то иначе: в минуты гнева друзья и судители находили, что он скорее дурен, а в минуты довольства — что скорее хорош. Когда же они бывали в обыкновенном

* Лаодикея — город в Малой Азии, в котором была основана одна из ранних христианских церквей, упоминаемая в Евангелии как пример религиозного равнодушия (См. Откровение Иоанна Богослова, 3:14).

расположении духа, он казался им в нравственном отношении чем-то вроде серой смеси соли и перца.

Поскольку на одно воскресенье приходится шесть дней трудов, мысленному взору соседей фермер Оук всегда рисовался в будничном наряде: в сюртуке на манер доктора Джонсона* и фетровой шляпе с низкой тульей, которая раздалась оттого, что в ветреную погоду ее слишком низко нахлобучивали на голову. Ноги, защищенные кожаными гетрами, Оук обыкновенно помещал, как в просторные квартиры, в огромные башмаки (любой, кто бы их ни надел, мог, не промокнув, простоять в реке целый день; видимо, башмачник, совестливый малый, пожелал возместить неуклюжесть фасона прочностью и величиной).

Карманные часы мистера Оука являлись таковыми лишь по назначению и форме, размером же они скорее напоминали часы настольные, хотя и маленькие. Этот серебряный предмет, несколькими годами старше деда своего хозяина, имел обыкновение или стоять, или идти слишком быстро: короткая стрелка порою двигалась, как ей заблагорассудится, и потому, даже зная точное число минут, никогда нельзя было с уверенностью сказать, который час. Остановку механизма Оук исцелял постукиванием и потряхиванием, а чтобы своенравное поведение вещицы не влекло за собою неприятностей, наблюдал за солнцем и звездами, или же, приблизив лицо к оконному стеклу соседского дома, приглядывал-

* Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский лексикограф, литературный критик и поэт эпохи Просвещения. Созданный им толковый словарь оказал влияние на формирование современного английского языка. На известном портрете работы Джошуа Рейнольдса Джонсон изображен в простом коричневом жюстокоре (кафтани без воротника), надетом поверх жилета, застегнутого до горла.

ся к расположению стрелок на зеленом циферблате ходиков, висевших внутри. Собственные часы он, в довершение всего, носил в таком месте, куда нелегко было проникнуть: карман находился у пояса брюк, под жилетом, и, выживая часы за цепочку, мистер Оук всякий раз склонялся вбок, гримасничал и багровел от усилия, словно тянул из колодца ведро.

Но внимательному взгляду Габриэль Оук порой представлялся с иной точки зрения. Видя, как он шагает через поле солнечным декабрьским утром, можно было заметить, что по достижении им зрелых лет лицо его не утратило красок и черт юности, а подчас в нем сквозило даже мальчишество. Рост и ширина плеч придавали бы мистеру Оуку внушительный вид, если бы он выступал горделиво. Однако и в городах, и в деревне встречаются мужчины, чья наружность более определяется душою, нежели плотью. Их тела будто становятся меньше от того, как они себя несут. Тихий и скромный, точно монашка, Габриэль Оук словно бы не желал занимать в мире чересчур много места и потому держался просто, при ходьбе едва заметно сгибаясь, хотя и не горбясь. Это, пожалуй, недостаток для того, кто стремится производить впечатление не молоджавостью, а красотою или внушительностью. Но Оук был не таков. Он вошел в пору, когда мужчину перестают называть молодым человеком, — в пору ярчайшего расцвета, когда разум и чувства четко разделены. Их уже не смешивает друг с другом порывистая юность, но они еще не слились в предубеждения, возникающие у того, кто обременен семейством. Словом, Габриэль Оук был холостяком двадцати восьми лет от роду.

Пастбище, по которому он шел тем утром, располагалось на склоне Норкомбского холма. Через холм этот пролегла дорога, соединявшая Эмминистер и Чок-Ньютон. Невзначай бросив взгляд поверх живой изго-

роди, обозначавшей предел его фермы, Оук увидел, что навстречу ему спускается рессорная повозка желтого цвета, украшенная веселым узором. Рядом с парой лошадей идет кучер с кнутом в руке. Телега нагружена домашней утварью и комнатными растениями, а на вершине груди восседает молодая привлекательная особа. Спустя полминуты после того, как Габриэль узрел эту картину, повозка остановилась прямо перед его глазами.

— У повозки задок отвалился, мисс, — сказал возчик.

— Значит, я слышала, как он упал, — ответила девушка мягким, хотя и не тихим голосом. — Мы поднимались на холм, и я услышала шум, но не поняла, что случилось.

— Я вернусь и подберу его.

— Ступайте.

Умные лошади смирно стояли, прислушиваясь к затихающим шагам кучера. Девушка неподвижно восседала на горе вещей в окружении перевернутых столов и стульев, опираясь спиной на дубовую скамью. Впереди выстроилась живописная стена из горшков с геранями, миртами и кактусами. Очевидно, все это, наряду с канарейкою в клетке, украшало окна недавно покинутого дома. Кошка, выглядывавшая из приоткрытой плетеной корзины, не сводила любовного взгляда сощуренных глаз с птичек, что порхали вокруг.

Некоторое время миловидная особа ждала, ничего не предпринимая, и тишину нарушал лишь шорох, производимый канарейкой, которая скакала по жердочкам своей тюрьмы. Девушка внимательно поглядела вниз — не на кошку и не на птицу, а на завернутый в бумагу продолговатый предмет, лежавший между ними. Обернувшись, путница увидела, что возчик все не идет, и тогда ее взор снова обратился к свертку, а мысли, по всей вероятности, — к тому, что было внутри. Наконец она положила предмет к себе на колени. Под бумагою

оказалось крутящееся зеркальце. Изучив свое отражение, девица разомкнула губы и улыбнулась.

Стояло погожее утро. Малиновый жакет путницы горел на солнце алым огнем, а свежее лицо и темные волосы покрылись легким глянцем. Сочная зелень миртов, гераней и кактусов, наставленных у переднего борта, придавала лошадям, повозке, поклаже и самой путешественнице особое очарование весны в безлиственную пору.

Никому неведомо, для чего молодая особа затеяла этот маленький спектакль, не имея иных зрителей, кроме воробьев, дроздов и незамеченного ею фермера. Вероятно, она улыбнулась, испытывая себя в науке очарования, однако, искусственная вначале, ее улыбка мгновенно сделалась настоящей. Девушка залилась румянцем, который стал еще ярче, когда она увидела, как залилось румянцем ее отражение в зеркале.

Обыкновенно этот предмет служит нам в спальне в час одевания, и то, что путнице вздумалось воспользоваться зеркалом под открытым небом, придало ее праздному движению новизну. Картина была прелестна. Извечная женская суетность неспешной поступью вышла на солнце, чей свет сообщил ей свежесть своеобразия. Как ни склонен был Габриэль Оук к великодушью, он не мог не сделать цинического умозаключения: девушка погляделась в зеркало безо всякой надобности. Она не поправила шляпки, не пригладила волос; она просто любовалась собою как творением Природы, и в ее мыслях разыгрывались драмы, в которых важная роль отводилась мужчинам. Красавица с улыбкою думала о предстоящих победах, предвкушая, как будет завоевывать сердца. Однако это было лишь догадкой. Движения незнакомки казались столь праздными, что в них едва ли следовало усматривать какое-либо намерение.

Послышались шаги возчика. Девушка вновь обернула зеркальце бумагой и убрала его на прежнее место. Когда повозка продолжила путь вниз по склону холма, Габриэль покинул свой наблюдательный пост и пошел следом за нею к заставе, расположенной неподалеку от подножия. Предмет его наблюдения остановился для уплаты пошлины. Шагов с двадцати Оук расслышал спор, разгоревшийся из-за двухпенсовой монеты между седоками повозки и сборщиком платы.

— Племянница хозяйки — вот она, наверху сидит — говорит, что того, что я дал тебе, сквалыга ты несчастный, довольно, и больше ты от нее ни гроша не получишь, — сказал возница.

— Коли так, племянница хозяйки дальше не поедет, — ответил сборщик, закрывая ворота.

Поглядев на спорщиков, Оук задумался. В том, как звучало слово «двухпенсовик», слышалась крайняя незначительность. Три пенса уже казались деньгами: из-за них можно было торговаться, когда речь шла о вознаграждении за дневной труд. Но два пенса...

— Вот, — сказал Габриэль, выходя вперед и протягивая монетку сборщику. — Возьми, и пускай женщина проедет.

После этих слов Оук посмотрел на путницу. Она, услышав его, поглядела вниз.

Между прекрасным ликом святого Иоанна и уродливой физиономией Иуды Искарота на витраже церкви, которую посещал Габриэль, его собственное лицо следовало бы расположить точно посередине. В нем не было ни единой черточки, способной привлечь внимание красотой или безобразием. Темноволосая особа в красном жакете, очевидно, так и подумала, ибо, наградив своего заступника небрежным взглядом и даже не сказав «спасибо», она велела вознице трогаться с ме-

ста. Вероятно, сей мимолетный взор следовало понимать как замену благодарности, выраженной словесно. Хотя, быть может (и это скорее всего), девица попросту не ощутила ни малейшей признательности. Помощь незнакомца обернулась для нее поражением в споре, а женщины, как мы знаем, за такое не благодарят.

— Видная девица, — протянул сборщик платы, провозжая взглядом повозку.

— Но не без недостатков, — откликнулся Габриэль.

— Твоя правда, фермер.

— И главный среди них... тот, всегдашний.

— Привычка сбивать цену? Вот уж верно.

— Нет, другое.

— Что же?

Габриэль, возможно, слегка уязвленный равнодушием путницы, обернулся и поглядел наверх — туда, где ее повозка стояла несколькими минутами ранее, пока он наблюдал за нею из-за своей ограды.

— Тщеславие.

Глава II

Ночь. Стадо. Хижина. Другая хижина

Истекал Фомин день* — самый темный день года. Близилась полночь. Опустошающий северный ветер блуждал по тому склону, где совсем еще недавно, солнечным утром, Оук наблюдал за девушкой на желтой повозке. Норкомбский холм, возвышавшийся неподалеку от одинокого Колокольного холма, был в числе тех мест,

* Католическая и многие протестантские церкви празднуют день апостола Фомы 21 декабря.

при виде которых странник думает: «Едва ли найдется на земле форма более прочная». Вероятно, именно таким ровным безликим выпуклостям из почвы и извести суждено пережить те потрясения, что однажды сокрушат гранитные скалы куда более значительной высоты.

По северному склону раскинулась редееющая роща древних буков, чьи кроны темнели на фоне неба, обрамляя изгиб холма, подобно гриве. В ту ночь эти старые деревья защищали южную сторону от злейших порывов ветра, который, рыча, хлестал стволы и с приглушенным стоном трепал ветви. Сухие листья, кружась, летели по полю, а самые поздние, сумевшие продержаться на ветках до зимы, теперь падали с отчетливым шуршанием.

Между этим полуобнаженным холмом и неподвижным туманным горизонтом, что открывался с его вершины, протянулось таинственное полотно бездонной тени. Звуки, доносившиеся из ее глубины, свидетельствовали о некотором сходстве сокрытого ею ландшафта с ландшафтом холма. Ветры, шевелившие чахлую траву, что кое-как покрывала склоны, казалось, имели не только разную силу, но едва ли не разную природу: одни грубо приминали былинки, другие прочесывали их с пронзительным свистом, третьи гладили, точно мягкая метелка. Первым побуждением всякого человека было остановиться и слушать, как деревья справа и деревья слева попеременно стенают и поют, будто две части соборного хора при исполнении псалма, как изгороди и все другие преграды, встречаемые ветром, подхватывают напев, превращая его в нежнейшие рыдания, и, наконец, как новый порыв, обращенный к югу, стихает навсегда.

Небо было ясным — на удивление ясным, — и все звезды, мигая, словно вторили сердцебиению одного тела. Ветер дул прямо навстречу Полярной звезде, а ковш Большой Медведицы обошел ее так, что стрелка